

Есть вопросы — обратись к Богу.

1

И через три часа после того, как наша ситуация стала хуже некуда, Итихимэ Юкарики, Дзюн Айкава и я всё ещё были в кабинете Директора. Я уже привык к запаху крови и плоти и наконец-то смог принять эту странную сцену, представленную моим глазам. Не то чтобы я хотел её принимать, к слову.

Что касается Химэ-тян, то она, как и всегда, поднимала и опускала свой палец. Казалось, что она запутаась, но, может быть, она просто размышляла.

Айкава-сан была Айкавой-сан, поэтому она ела то, что смогла найти на полках в кабинете. Сейчас она пробовала злачного вида конфеты. Как она могла есть нечто подобное здесь, да ещё и при таких обстоятельствах? У неё нервы стальные, или она сильно нервничает? Сложно сказать.

— Лзюн-сан, как долго вы собираетесь оставаться здесь?

— Что? Сколько раз ты ещё у меня об этом спросишь? — Положив печенье между зубов, она встала на четвереньки, подползла ко мне и остановилась прямо у моего лица. — Что, не голоден? Понимаю, понимаю, ты всегда ворчливый, когда голоден.

— Это не—

— Ладно, открывай рот пошире!

Айкава-сан бросила в мой открытый рот половинку печенья. Как вкусно.

— —Это не так! Мы понятия не имеем, как близко от нас находится Сиоги со своей компашкой, но мы до сих пор сидим здесь. Разве мы не станем ещё подозрительнее, если мы останемся на месте преступления?

— Я тебя не понимаю, парень. Почему ты во всём ищешь плохое, всегда прикапываешься то к одному, то ко второму, то к третьему? Да у нас тут принц Пессимист. Итихимэ, скажи ему.

— Мастер, хорошее приходит к тем, кто ждёт.

— Я не понимаю, что это должно значить. — Правда, она это специально делает?

— Суть в том, Ии-тан, что сейчас худшее, что мы можем сделать, так это поспешно что-либо сделать. Как «мастерский ход» в сёги, понимаешь? Ещё не шах и мат, но близко. Такие ситуации разрешаются в долгосрочной перспективе.

— Но разве плохая идея не хуже чего-либо ещё?

— Да. Так что вдохни поглубже и выдохни. Другими словами, не паникуй, — сказала Айкава-сан, прежде чем опуститься на пол. Да, кровь к этому моменту уже высохла, но лежать на пропитанном кровью ковре кто-то с её умом вряд ли стал бы.

— А мы не можем доверить всё это полиции?

— Полиция не приедет. Никто из причастных не добросовестный гражданин, не говоря уже о

самой школе. В этой сказочке бедная Сасаки не воссияет.

— Никто? Но я обычный гражданин. Меня хоть не втягивайте. По крайней мере, если судить по тому, что есть сейчас, я тут посторонний. Для того ведь и нужна полиция. С чего бы мне ещё платить налоги?

— Ты платишь налоги? Жёстко, а ведь ты ещё несовершеннолетний. Но послушай, Ии-тан. Кажись, ты кое-что забыл. Полиция так-то организация публичная, и она дружит с тему, кто больше платит налогов.

Да, точно. У академии ведь есть связи и прикрытие со стороны класа Оригами и «Правила».. В сравнении с ними мои налоги лишь капля в море. Следовательно, Сасаки и её напарник вообще не появятся. Тогда они точно были бы не в своей тарелке.

— Хорошо, убедили... но мой вопрос всё ещё остался без ответа: как долго мы будем ещё здесь находиться?

— Понимаешь, я починила дверь, так что она снова закрывается, из-за чего эта комната станет самым безопасным местом для нас. Это райский уголок именитого Директора «Старшей школы висельников», в конце концов. Комната звуконепроницаемая, пуленепробиваемая и дезинфицируемая. Какое другое место может быть безопаснее этого?

— Но Директора убили здесь...

Определение «безопасности» Айкавы-сан, похоже, предполагало не только безопасность разума, но и тела. И это было так, даже Будда не ожидал, что беглая Итихимэ Юкарики и её отряд будут зажаты в самом сердце школы, причём в кабинете Директора, располагающимся прямо над учительской. Тогда нахождение здесь можно называть «одурачиванием наших противников».

Но лично я так не сказал бы. Неожиданное действие, даже глупое, которое сделано осознанно, не похоже на умный ход. Это просто перемещение в слепую зону. И если бездумно забежать в слепую зону, то обратно выйти уже не получится. В итоге ты застрянешь в своём убежище. Я уже испытывал подобное, так что я знаю, о чём говорю. Не то чтобы она стала больше меня.

И меня ещё кое-что беспокоило так же сильно, как и убийство Нои Оригами.

«Похоже, мы всё сделали до объявления плана "Зигзаг"»

Бормотание Сиоги — те самые слова, которые она проронила, на миг забыв, что я рядом, то ли из-за халатности, то ли из-за мер безопасности.

«Зигзаг» — это не могла быть новая модель мобильного доспеха. То есть в стенах академии было что-то, что даже Сиоги не хочет высвободить.

— Послушай, приятель... Как человек, которому нравится говорить размыто, ты чертовски зациклен на получении результата, — сказала Айкава-сан, будто она уже по горло этим сыта.

— О чём вы? Я не могу это скрывать, даже от вас.

— Ты случаем не говорил о том, что ты «привык ждать»? Да, ты действительно терпеливый. Будь ожидание настоящей игрой, то, думаю, ты бы стал её бесспорным чемпионом. Но только в том случае, когда исход известен. Ты злишься, когда не знаешь, что будет. Даже ты, способный

ждать, плох в ожидании чего-то, о чём ты не знаешь.

— Вы говорите так, будто всё знаете.

— Я говорю от балды. «Смирение» и «компромисс» заложены в основу всего, что ты делаешь. А потому подобная нашей ситуация, в которой ты не знаешь, от чего отказаться или кому потворствовать, для тебя, скажу прямо, сложна. Но в том-то и суть. Ты должен попытаться, должен сделать всё как можно лучше. — В итоге она действительно от всего этого устала, потому что её речь ещё на середине перестала быть малоэмоциональной. Точнее, мне можно сказать, чтобы я постарался но я всё ещё не пойму, что я должен к этому приложить.

— Дзюн, мастер, мы не должны драться друг с другом, — встала между нами Химэ-тян. — Давайте попробуем сойтись. Сейчас нам нельзя никак ссориться.

— Не правда ли? Ах, какая же прекрасная вещь эта дружба. Послушай, Ии-тан, если ты хочешь выйти из этой комнаты, то вперёд. Я тебя не ограничиваю и не пытаюсь убедить тебя остаться. Даже когда я пытаюсь запереть людей, я делаю это нес намерением пытаться оставить всех внутри. Но если ты уйдёшь, то сделаешь это из своего желания, так что после этого не надейся на мою защиту.

— ...

— Но слушай внимательно, Ии-тан. Все остальные миротворцы этой страны, может, и зарыли свои головы в песок, но люди здесь, в этой академии, сошли с пути человечности и пошли по более опасной дорожке, будь то из собственных целей, побуждений или потому что у них не было выбора.

— Сошли с пути человечности?

— Ты думаешь, что это место м тренировочный центр или учебный лагерь или типа того, Ии-тан, и так оно и есть. Но у него ещё одно назначение, более важное: это фронт. Другими словами, здесь лучшие ученики также являются частью тактической боевой единицы.

Тогда... плевать на школу, речь уже идёт о полноценной милиции. Тактическая боевая единица, собранная из девочек-подростков. Не нужно ведь спрашивать, какой сейчас год? Конечно, сейчас наши дни. Но, но...

— Если ты будешь недооценивать их, потому что они девочки и они моложе тебя, то тебя будет ждать суровая реальность. Покуда вы с Итихимэ в этой комнате, я, Дзюн Айкава, смогу гарантировать вам безопасность, так что сядь и заткнись. Веселья тут и так навалом на один-то день.

— А ты, Химэ-тян? — заговорил я с ней. — Ты что думаешь... или у тебя есть какие-нибудь предложения? В вопросе знания территории ты ведь учишься тут уже чуть больше года, да?

— А-а-а. Химэ-тян думает, что ничего плохого не будет, если всё предоставить госпоже Дзюн. Я растяпа, я мало чего стою, а мастер — дилетант в подобных вещах. Так что я думаю, что нам стоит прислушаться к профессионалу.

Она была права. Настолько права, что мне стало тошно. Не то чтобы я когда-либо испытывал облегчение от того, что кто-то прав.

— И я думаю, что здесь действительно безопасно. Можете называть это место каким-нибудь

потайным кладбищем в сердце «Старшей школы висельников».

— То есть святилищем. — Я это признаю, хотя слова слегка созвучны. — Ничего не стоишь, говоришь... Должен сказать, что вряд ли тебе нужно так принижать себя. раз уж ты так судишь о себе.

— Я не принижая себя. Люди почему-то склонны терять голову, когда они получают «силу» или что-то вроде того, а это никому на пользу не идёт. Химэ-тян добивается точного баланса.

Терять голову, ага.

Они теряют голову, теряют взгляды и со временем лишаются своих жизней.

Точно... я знаю многих, кто сошёл с ума от своей излишней «силы». Те гении на острове, мистер Неполноценный и так далее. В рамках человека, имеющего достаточную власть, чтобы захватить весь мир, но добивается своего без каких-либо намёков на проблемы, у нас есть Айкава-сан, и в целом всё.

— Не хочу подорваться, но Химэ-тян думает, что слабостью можно гордиться.

— Ты террористка?

— Хвастаться, — имела ввиду она.

А что я? Айкава-сан была права: такой самоуверенный, хотя за мной ничего не стоит, такой гордый, хотя внутри я пуст, — «ходячее противоречие». Ничего не попишешь, мой эквилибриум крайне плохой. Но я сумасшедший. Нет. Наверно. Я уверен, что нет.

— Надеюсь, что нет, — пробурчал я и наконец-то перестал об этом думать. — Это всё равно бессмыслица.

2

Ради аргумента скажем, что был носитель бессмыслицы, считавший, что убивать — плохо. Как бы он ответил на следующие вопросы: «А что плохого в убийстве людей на поле боя?», «А что плохого в серийном убийце, убивающем людей?»?

Наверно, он ответил бы так: само существование полей боя и серийных убийц неправильно. А на эти вопросы: «Неправильно ли для собаки кого-либо убивать?», «Неправильно ли, что землетрясение убивает людей?»

Скажет ли он, что само существование собак и землетрясений неправильно? Ни за что, это будет подобно софистике. Причины, исходящие от уступок, и уступки, исходящие от причин, — совершенно разные вещи.

Отлично известно, что есть ситуации и обстоятельства, в которых кто-то должен убивать. Да, причина убийства всегда существует как нечто определённое. Даже когда нет причины, по которой ты не можешь убивать, всегда есть причина убивать. Так что важно жить, избегая по возможности оказаться в положении, в котором эта причина появится, и на этом моменту я открыл глаза.

Прошёл ещё один час. Химэ-тян сгибала и разгибала палец, как и всегда (это её развлекало?),

Айкава-сан быстро уснула, когда плюхнулась на ковёр, а я встал на ноги.

— Что? Куда вы идёте, мастер?

— ...В туалет.

— Хорошо. Я пойду с вами.

Да ты смеёшься надо мной.

Нависнув над Химэ-тян, когда она начала вставать, я сказал правду:

— Я намерен выбраться отсюда сам, если не возражаешь.

— Самостоятельно?

— Да. Извини, но я устал играть в детектива. — Я наклонил голову к ней. Затем, развязав треугольную повязку, которую для меня сделала Айкава-сан, я высвободил повреждённую руку. — Как сказала Айкава-сан, я не справляюсь, когда я «не вижу, чо будет». Для меня это открытие. Хотя Сиоги говорила, что она злится, когда она «чего-то не понимает»... Так что, наверно, дело в этом. Я не против пространности, но мне всё равно и на неопределённость... Думаю, я действительно такой гибкий. Неважно, я уже на пределе и не больше здесь ждать.

— Это... — поджала губы Химэ-тян и с укором посмотрела на меня. — Опадитесь, мастер!

Она сказала, что я должен сорваться с дерева, потому что я убежал от битвы?

Нет... наверно, она хотела сказать, чтобы я остыл.

— Это бессмысленно! Вы не понимаете, что вы будете в сохранности, если останетесь с госпожой Дзюн? Даже уйти из академии будет проще, если мы просто положимся-с на неё. Почему вам нужно действовать так безрассудно, когда мы уже в безвыходном положении?

— Я не хочу спросить по этому поводу.

— Как жаль, потому что вы выслушаете то, что я скажу. Если вы уйдёте отсюда, как бродячий пёс, мастер, то вы подвергнете опасности Химэ-тян и госпожу Дзюн. Пока мы вместе, ваши равные и противоположные реакции будут влиять на наши возможности.

Это былл серьёзно, так что я не стал поправлять её.

— Я это учёл, Химэ-тян. В данном случае будет лучше, если меня здесь не будет. Ты сама отлично подметила: ты не очень хороша, а я более чем, ведь я дилетант. Для тебя будет лучше избавиться от мёртвого груза.

— Но это же—

— Ясно одно, — оборвал я её на полуслове, разбивая её контраргумент. — Вполне возможно, что для Айкавы-сан разницы особо не будет. Мой вес здесь вряд ли важен для неё, мёртвый я или живой. Но меня осенило. Нет, я осознал, хотя нет, я прозрел: я в безопасности, пока я остаюсь с Айкавой-сан. Помимо этого, я даже могуначать завираться. Мысль о том, что я на одной стороне с сильнейшей частицей человечества, разжигает во мне огонь, но в этом-то и проблема. Я не хочу из-за этого бежать с поля боя.

Комната, пропитанная кровью, покрытая плотью и собранными частями тела Ноы Оригами. Сильнейшая частница человечества, так сладко спящая на полу, что даже её дыхания не слышно. И в такой обстановке девятнадцатилетний отстающий и семнадцатилетняя беглянка по-глупому ссорились. Чёрт, если это не забавно, то что тогда? Если это нельзя назвать буффонадой, то что это тогда?

— В таком случае я всего лишь вор. Я грязь из-под ногтей, ходящая по округе и как-то умудряющейся оставаться в живых. «Айкава-сан такая сильная, что ей не составит труда выбить всё то из меня» — такой вот я мерзкий мелкий паразит, не стремящийся ни к преступлению, ни к наказанию. Много чего произошло за последнее время, так что я упустил всё это. Такую жизнь я избрал для себя.

Я никому ничего не даю, а потому я не принимаю ничего ни от кого.

Я отказываюсь от всего. Это... был едва ли не единственный оставшийся источник моего достоинства.

— Но мастер—

— Лучше прекрати называть меня так. Я никогда не смогу подружиться с кем-то вроде Айкавы-сан. И тебе незачем называть меня так.

Я обычным способом отмахнулся от неё, и на миг Химэ-тян казалась задетой. Я направился к двери, которую с лёгкостью можно было открыть изнутри. А поскольку замок был сломан электрическим разрядом, то открыть её нужно было, используя нечеловеческую силу.

Получть защиту от Айкавы-сан, которой вообще не сложно этим заниматься. Защищать Химэ-тян, чувствуя желание защититть её и удовлетворяясь этим. Пожать руки, подружиться, работать вместе.

Теперь я понимаю. Какие же это отношения мечты. Так вот что это: мечта.

Мечта есть мечта и ничего более.

— Но, эм... Маст— Эм...

— Я сказал, чтобы ты перестала меня так называть... Тебе бы манерам поучиться, девочка. — Я повернулся, положил руку на плечо Химэ-тян и слегка сжал его, чтобы показать свой отказ. — Прошу, прекрати ожидать от меня хорошего отношения к тебе. Не жди, что я сойду с тобой. Всё это меня задевает.

— —А-а.

Химэ-тян сжалась от моих слов. Как же это просто.

Как же легко уничтожить чьё-то доверие к себе. Простая доброжелательность так легко рушится, и теперь я снова один.

— Я устал притворяться другом. Так я и сбегу, Химэ-тян. Как и ты. Опять же, наши враги могут впасть в недоумение из-за этого, так что вы с Айкавой-сан наверняка сможете сделать всё, что вы захотите, в этот промежуток времени.

— Почему... Почему вы ведёте себя так, будто мы незнакомцы?

— Потому что мы незнакомцы.

— Но госпожа Дзюн—

— Я не хочу вставать на пути у Дзюн Айкавы. Даже если бы я не был огромной помехой для неё.

Буду честным, я заигрывал тут со стоицизмом, но это лишь вновь было моё упрямство с целью положить конец конфликту уступок и компромиссов.

Ты не понимаешь, что я говорю?

Ты не понимаешь, почему я это говорю? Ты не понимаешь меня?

Химэ-тян.

Это воистину прекрасно.

Бесспорно, Химэ-тян была права. Я был не прав. Я не мог быть так неправ, как сейчас. Но я достиг своего предела. Это был предел неправого меня, делающего что-то правильное. Я никак не мог объяснить, что я пересёк черту. И я не собирался это вообще объяснять.

Да, так всё и было.

Носитель бессмыслицы отказывается дружить, даже с Дзюн Айкавой.

— Но, но—

— Ну ладно, пока-пока. — Не дожидаясь ответа от Химэ-тян, я закрыл дверь.

Айкава-сан есть Айкава-сан, но эти тонкие руки и маленькое тело... Химэ-тян никак не смогла бы открыть эту дверь сама. Даже когда Айкава-сан проснётся, она вряд ли придёт и спасёт меня, когда она поймёт, что я ушёл по собственной воле. Она сама так сказала. Точнее, кто знает, может, она сейчас даже и не спала. Я уверен, что притвориться спящей для неё было раз плюнуть. Обман — её основное умение.

Как и пантомима, с помощью которой она притащила меня сюда.

— Безумно то, что это нисколько не портит моё отношение к ней...

Наверно, потому, что мне от всего сердца нравится Айкава-сан. Мне она нравится, хотя это очень сложно назвать симпатией.

— ...

Тем не менее, я не видел в себе достаточно хорошего человека, который сейчас спокойно и беззаботно будет бездельничать, поняв, что она обманула меня.

А что касается Химэ-тян, Итихимэ Юкарики.

Когда я понял, что я втяну эту девочку во всё это, если буду неосторожен, то мне пришлось приложить хоть немного ума и вложить хоть немного смысла в свои действия. Я смеялся над собой даже сейчас, думая над тем, что я по итогу испытываю столько симпатии к ней, хотя я встретил её впервые всего лишь пару часов назад. Было ли этим следствием того, что я

объединил Химэ-тян с «ней»? Я не хотел думать об этом. Но я не мог и дальше вовлекать обычную зеваку в свою игру в покаяние.

— И на этом кончается бессмыслица.

Я более чем уверен, что Айкава-сан сказала, что учительская была прямо под нами, так что, стараясь не шуметь, я пошёл по той же лестнице, по которой мы поднялись. К счастью, никого рядом вроде не было, и я быстро сбежал из здания администрации. Посмотрим, где же я: я только что шёл за Айкавой-сан досюда, так что я не понимал, где я был. Я не понимал, куда идти или что я найду, когда я пойду туда или откуда мы вообще пришли.

— ...Ну ладно.

Я решил просто начать слоняться... и я надеялся наткнуться на Сиоги Хагихару. Айкава-сан отмечала, что она «похожа на меня». Мне не то чтобы не нравилось встречать людей, похожих на меня. Я не знал, почему. Была ли у меня на уме замечательная мысль о том, что могу побрататься с кем-то, кто похож на меня, или что они смогут понять меня?

Видимость была плохой. Казалось, что освещения здесь нет, что было логично, поскольку школа не предназначена для работы ночью. Похоже, что академия Сумиюри — нет, нет никакого смысла продолжать использовать обчное название, — «Старшая школа висельников» не имела классов для вечерней школы. Или им просто не нужно было отличать день от ночи.

— Невероятно, здесь вообще никого нет...

Айкава-сан наверняка смогла спугнуть всех, но не похоже на то, что они так просто сдадутся. И мне тяжело было поверить в то, что здесь есть комендантский час... кроме того, я сомневался в том, что «администрация» будет до окончания времён стоять в стороне.

И в этот момент я кое-что понял.

Когда, чёрт возьми, человек, ответственный за убийство Директора, Ноу Оригами, не говоря уже о том, что его вряд ли уже можно назвать «человеком», пробрался сюда? Судя по тому, что сказали Айкава-сан и Химэ-тян, текущее аварийное положение было объявлено Директором. То есть, если это так, её должны были убить после того, как она отдала приказ. А запах крови и ошмётки плоти явно появились недавно. По крайней мере, её могли убить лишь в пределах суток.

А что касается мотива, то их может быть «с дюжину». Хобби Ноу Оригами было быть ненавидимой людьми, отвратительной людям, получать от людей отвращение в свою сторону, быть прокливаемой... При всём этом она явно была похожа на леди.

— Тогда может ли борьба за власть быть разумным предположением?

Переложить ответственность с себя на беглянку и пару посторонних было отличным ходом. А предоставление ученикам возможности отомстить отлично поднимет им боевой дух. Если мы что и могли обернуть себе на пользу, так это, полагаю, тот факт, что убийство Директора ещё не всплыло.

Хм. Так вот почему Айкава-сан забилась там. К тому моменту, когда меня осенило, передо мной появилось здание школы, которое я узнал. Да, именно там был кабинет класса А второгодок, где я и встретил впервые Химэ-тян, но это будто произошло много лет назад.

— Ах, да. Фотография...

Карта была уже не нужна, но это напомнило мне о том, что я во время погони в школе обронил фотографию Химэ-тян.

Стоит ли мне поискать её? Она тоже не особо важна, но я не мог придумать, чем бы вообще заняться. Я едва ли мог вспомнить, куда нужно идти, чтобы выйти к главному входу, но пессимизма во мне было достаточно, чтобы предположить, что там могли устроить какую-нибудь засаду. И я не собирался уходить из школы. Я просто хотел уйти к херам из той комнаты, той неприятной комнаты.

Я много чего наговорил Химэ-тян... но, наверно, дело было в том, что мне было неприятно находиться там рядом с Айкавой-сан. Та же унылая гордыня, хотя гордыня всегда скучна.

Я вошёл в здание, нашёл лестницу и поднялся по ней. Свет был выключен. Было тускло, но я как-то почувствовал, что здесь я вижу лучше, чем снаружи. Наверно, дело в концентрации. И где же был класс А второгогодок? Скорее всего, я найду фотографию, если начну поиски там. А мог ли кто-нибудь уже найти её?

Пока я искал, я снова вспомнил о кабинете Директора. Помимо двери, там было два окна, но, само собой, они тоже были закрыты, причём с обеих сторон. А Айкава-сан сразу же проверила все места, в которых человек мог бы спрятаться... хм.

Я вспомнил: было что-то странное там. Айкава-сан была права: факт того, что эта комната была заперта, был важен. Это означало, что на нас повесили преступление. И было здесь ещё кое-что... Как насчёт того факта, что Директора «расчленили»? И был ли смысл в том, как отрубленную голову подвесили на потолке?

Многого времени не уйдёт на расчленение человека бензопилой... но к чему таким заниматься? Труп распотрошили из-за какой-то давней обиды, или в этом была какая-то необходимость? Тут никак не могло быть просто, потому что это «Старшая школа висельников», а потому повесил голову.

— «Расчленение»... — Расчленение, вскрытие, биотехнология, экология. — Напоминает профессора или профи.

Не то чтобы я хотел вспомнить.

И именно в тот момент, когда я погружался в мрачные воспоминания о своей жизни в Программе ER...

— Вжик...

Передо мной появилась фигура.

— ВЖИК-к-к...

Стоп, что-то не так. Она уже стояла передо мной, так почему я называю её «фигурой»? Я точно должен называть её «человеком». Но я не мог разглядеть её, такую загадочную и жуткую, бродящую во мраке.

Её фигура была размытой, будто она существовала в другом измерении или между нами была какая-то плёнка.

— ...Стой.

И она остановилась.

Остриженные волосы и чёрная матроска, местами порванная, будто её отделали хулиганы, но возможно, что таков был её стиль.

А её руки, торчащие из рукавов, держали—

— Здравова. Позволь представиться. Я Тамамо Сайдзё, первогодка.

В правой руке: Eliminator 00. В левой: Griffon Hard, сделанный на заказ.

У неё, Тамамо, было два чрезмерно больших ножа, которые в руках этой девушки были слишком жуткими и смертоносными и были наизготове. Она держала их обратным хватом и смотрела на меня неподвижным взглядом, словно это её естественная поза. Едва уловимо присутствие и пустые глаза. Похоже, я зашёл чуть дальше, чем следовало бы.

Я точно не ожидал ножей. Поверить не могу, что в этот раз всё становится таким необычным... Тот остров, полный гениев, и та серийная убийца в сравнении с ней были куда прямолинейнее. И кто, чёрт возьми, следующим выйдет из-за кулис?

Точнее, эта девушка уже походила на ходячую шутку своей одеждой и снаряжением, но с чего же начать?

— Занятия отменили несколько часов назад, чувиха.

— И это всё? — начала придирается она к моей усмешке.

Нам хотя бы удалось установить контакт. Тамамо нахмурилась и улыбнулась. Затем, бормоча: «Вжик, ВЖИК-к-к...» — она потрясла головой, будто она чистила её или у неё была головная боль и она пыталась не упасть от боли. Или у неё просто низкое давление. Она с виду казалась слегка сонной. Видимо, заметив мой взгляд, Тамамо вздохнула и собралась.

— Что? А, эти ножи нужны забавы ради... Не переживай.

— Ладно...

Я ненароком встретил лгунью.

— Так-а-ак, посмотрим... — Она тряхнула головой. — Ну ладно. Буду думать об этом, когда зарежу тебя пару раз.

— Ты допускаешь ошибку, Тамамо.

Не обращая внимания на моё предупреждение, Тамамо скрестила два ножа перед своей миниатюрной грудью.

— Хм... Хе-хе-хе.

Она ухмыльнулась, а её щёки покраснели. Похоже, она засмушалась. Но смесь этой странной ухмылки и блеска её ножей будто была порождением кошмаров.

Само по себе владение двумя ножами не сильно пугало. Это означало, что подвижность её рук и её приёмы слегка ограничены, что также сказывалось на её защите. В кэндо вряд ли кто даже попытался бы драться парным оружием, пока тот не стал бы настоящим мастером. Но с другой стороны мастерство позволить без проблем владеть парным оружием.

Другими словами, всё упиралось в один вопрос: она была новичком или экспертом? А в «Старшей школе висельников» новичков среди учеников не было.

— Погоди, чувиха—

— Можешь уже не умолять о пощаде, я не буду это слушать. Эм, слишком много мороки от этого. — Тамамо медленно сократила дистанцию. — И прошу, не называй меня «чувихой»: мы ведь только что встретились, и это унижительно... Я нарежу тебя на ленточки.

Нарежешь на ленточки. Как Директора?

Так же, как и Директора — «Зигзагом»?

— Постой, у меня возник вопрос. Это всё план Сиоги? Она отправила тебя?

— Не-е-ет... Сиоги-сэнпай явно что-то готовила... но я в этом ничего не понимаю, поэтому я просто сама пошла за тобой.

Хм, я увидел на лице Тамамо ямочки. ыло так хорошо и приятно от такой милой улыбки на её лице, но мне больше хочется, чтобы она придерживалась плана действий своей группы. В этой академии вообще не учат командной работе? Нужно ведь учиться действовать сообща с другими, Тамамо, вот чему учит эта школа.

— Готов ты или нет, а Тамамо-о-о уже идёт... ВЖИК... к... к!

И она налетела на меня. Её движения полностью лишены прежней вялости, а её пересекающиеся ножи нацелены на моё горло.

Чёрт, а она нисколько не шутила.

Конечно, у меня не получилось бы повалить её, поэтому я обернулся и побежал так быстро, что мои ноги начали уносить меня куда подальше.

— Эй... ты от меня не убежишь, — пробубнила Тамамо в погоне за мной, всё ещё держа ножи обратным хватом. Она была такой низкой, что я даже подумал, что ей можно было бы и поддаться, но такой расклад чересчур оптимистичный. Это не я медленный, а Тамамо слишком быстрая. За мной будто гонится Кутисакэ-онна или Хидзико-сан или ещё какое существо из городских легенд. Чёрт, я что, смог убежать с Химэ-тян под рукой потому лишь, что наши преследователи были слишком медленными? Другимим словами, я что, перешёл на новый уровень в этой игре? Тамамо, стремительно сокращая дистанцию между нами, внезапно метнула Griffon мне в голову.

— Э-эй!

Я едва смог уклониться от него, прижавшись к полу. Без шуток. Как им не режь, но этот нож не создан но метания. Но она бросила его как сюрикен. Да насколько ээта девчуля хороша?

Ну, сам по себе факт того, что она владела большими ножами своими худыми руками, вызывал

недоумение. Эта школа ещё отрицала законы физики?

Затем Тамамо упала мне на спину, в то время как я лежал на нём лицом вниз и обнимал пол, и прижала оставшийся нож, Eliminator, к моему горлу. Ей оставалось лишь провести им в сторону, и моей сонной артерии наступит конец.

— Что обычно говорят в таких ситуациях... шах и мат? Нет, не подходит: не тянешь ты на короля. Тогда... Дерзкий слон стал добычей пешки?

Значит, я слон? Ещё один непродуманный выбор.

— Так, сейчас я задам тебе несколько вопросов... так что отвечай на них максимально искренне. Мне-то всё равно, но чем от своей искренности зависит, как долго ты проживёшь, — сказала Тамамо невероятно тягучим голосом. Она будто просто выполняла монотонные действия, при исполнении которых из неё выходят жизненные силы. — Посмотрим... Вжи-и-ик. Где... Поражающая Алая и Юкарики-сэнпай? Нам так хочется найти их.

— Сперва у меня будет вопрос.

— Что-о-о? Это не так работает. Это я тут задаю вопросы, — Тамамо надула щёки. — Но ладно. Только в этот раз. Будет крайне сложно сказать «нет».

Не похожа она на собеседницу. Она явно уступает всякий раз, когда может разгореться спор. Такая уступчивость не была чертой характера, которая мне нравится в юнх женщинах, но в данном случае она приветствуется сильнее остальных.

— Ты «Зигзаг»?

— Что-о? Быть того не может. Да что ты говоришь? — Тамамо потрясла головой, будто это что-то немыслимое. — Это всего лишь удар во тьму, но, полагаю, ты и вправду не знаешь, что здесь происходит? Тебя в это втянула Алая Погибель, не рассказав тебе ничего о том, что здесь творится? Ты даже о «Зигзаге» не знаешь... И ты не копал под нас до этого, даже — видимо, устав на середине предложения, Тамамо просто перестала говорить. Затем со слегка сдавленным вжиком она закончила: — —не спрашивал никого?

— К сожалению, я не намерен лезть глубоко в вещи, которые могут обернуться плохими новостями.

— Ладно. Тогда я спрошу у тебя вот что... Какая у тебя цель?

Я был чертовски уверен в том, что она снова спросит у меня о Химэ-тян и Айкаве-сан, но вместо этого мне задали совершенно другой вопрос.

— Моя цель... Она —

— Не спасти Юкарики-сэнпай, полагаю? И не помочь Поражающей Алой... Видишь ли, у меня, Хагихары-сэнпай, да и у всех остальных есть причина, по которой мы делаем то, что делаем.

— ...

— Но ты, есть ли у тебя такая же причина? Есть ли у тебя причина быть здесь и делать то, что ты делаешь, которая может встать с нашими в один ряд? Если да, то просвети меня.

— Тамамо.

— Просто отрицать это, говорить, что это ненормально или нереалистично или типа того, — просто трусость. Тебе и вправду не нужно спешить с выводами, — безэмоционально сказала она. — Или ты так привязан к собственной системе ценностей и своему чувству нормальности?

Ну, ты сама спросила.

Эта академия странная, но есть ли у меня право судить об этом? Разве я не странный?

— Ну ладно, такая это морока. — Тамамо обхватила нож по-другому, чтобы сжать его покрепче.
— Пора умирать и всё такое.

Лезвие начало разрезать мою кожу.

— —!

Смерть.

Я был чертовски спокоен. Чертовски спокоен и крайне разочарован. Подавлен даже. Я просто умру здесь, вот так? Я всегда считал, что меня убьют в стиле гонзо-гран-гиньоля. Но чтобы так выйти, как какой-нибудь незначимый игрок, которого придавила рухнувшим зданием, — нет.

Наверно, для меня это был единственный подходящий конец. Для такого незначительного червя, как я. Я предположил, что моя мелкая унылая жизнь пронесётся перед моими глазами, но эта мечта тоже растворилась, как траурная роса—

Томо Кунагиса. Только Томо Кунагиса осталась в моих мыслях. Ах, как же мне хочется вновь увидеть её...

Как же мне хочется, чтобы она узнала, что мне жаль.

— —

в этот момент в коридоре послышались шаги. Этот звук приближался к нам.

— Мастер... Масте-е-ер!

Тамамо от удивления дёрнулась и посмотрела туда, откуда исходил крик.

— Юкарики, сэнп—

И ослабила хватку.

Не дожидаясь появления на горизонте Химэ-тян, я напряг спину и руку, чтобы снять с себя Тамамо, затем врезал ей левым локтем по солнечному сплетению, пока я разворачивался к ней. У меня не было времени на то, чтобы подстроиться к тому, что она девочка или моложе меня. Тамамо врезалась в стену коридора и потеряла сознание. Нет, даже будучи в сознании казаось, что она отрубилась, так что вряд ли можно такое сказать, но, тем не менее, она перестала двигаться.

Я почувствовал на шее, когда коснулся её.

Точнее, был срезан один слой эпидермиса.

— Масте-е-ер! — Этот крик сзади. — Я наконец-то нашла ва-а-ас!

— Химэ-тян... — Я обернулся и наконец-то положил свои глаза на неё. — Почему ты здесь?

— Простите, — сказала она, пытаясь отдышаться. — Химэ-тян опоздала, потому что я просто не могла открыть ту дверь без посторонней помощи. Как итог, я вылезла через вентиляционную шахту. В потолке была вытяжка, которую можно снять с изнутри комнаты. Хи-хи-хи, наверно, у меня не получилось бы, мастер, но Химэ-тян маленькая, так что я смогла с выбраться оттуда.

— А Айкава-сан? Она с тобой?

— Н-н-н, — промычала Химэ-тян, как животное. — Я разбудила госпожу Дзюн, когда вы ушли. Она сказала: «Люди могут делать то, что им, сука, захочется» — и отказалась помогать. Она даже не открыла бы для меня дверь. У меня не было выбора, так что я пошла одна.

— Химэ-тян, идти в одиночку не—

— Вы не правы, мастер, — осторожно сказала она, смотря прямо на меня. — Ранее вы переспорили меня, но вы были неправы. Я не могу быть рядом, потому что я не хочу мешать. Это лишь трусость.

— Грубо. Но с этим не поспоришь. Быть трусливой курицей меня более чем устраивает. Это всё равно намного лучше, чем получить непредвиденный исход. Куда здоровее. Я многократно это говорил, но побег — единственное, о чём я думаю. От своих врагов и от своих друзей.

Наверно, это иронично: из всех людей именно мне нужно ясное видение будущего сильнее остальных, поле того как недоброжелательно я отнёсся к той прорицательнице.

— Это лишь доказывает, что вы думаете о «будущем»! — По какой-то причине, которую я действительно не знаю, Химэ-тян смогла запасть мне в душу. — Если бы вы проживали каждый день как последний, ты у вас не было бы времени думать о таких вещах! Я просто скажу это, мастер: вы ведь не отлыниваете?

— Спасибо за это, Химэ-тян.

Я понимал. Что мой голос. Срывается на визг.

— И что ты знаешь обо мне? Что ты знаешь о человеке, которому только и остаётся, что отлынивать?

— Если ничего более, то я знаю, что вы — носитель бессмыслицы, который только оправдывается. Что бы вы не сказали, мастер, вы просто боитесь находиться рядом с госпожой Дзюн. — На этих словах Химэ-тян начала особо сильно настаивать. В её тоне ощущалась слабая насмешка. — Вы будто чувствуете себя некомфортно, потому что само присутствие рядом с такой «шишкой», как госпожа Дзюн, заставляет вас ощущать себя маленьким.

— Эт— погоди. Никто так со мной не разговаривает. Я—

Она попала прямо в яблочко, и я чуть не набросился на неё. Это совершенно не похоже на меня. Я едва смог сдержаться, буквально. Если бы Химэ-тян не напомнила мне о «ней», то меня ничто и никто не смог бы остановить

Ни неизменная, бесконечная, негибаемая Тонкая-Синяя-Линия-Между-Жизнью-и-Смертью. Ни «Семь глупцов», те, кто ближе всех подобрался к разгадке тайны мира. Ни та художница, сеявшая неравенство и презрение. Ни та, кто могла видеть только то, что нельзя увидеть.

Ни даже... сильнейшая частница человечества.

— —А что с этим не так?

Признанный бесполезным.

Я раскрыл свою незначительность.

А раз уж я брошен, то что плохого в том, чтобы бояться этого? Что неправильного в том, чтобы бояться предательства?

— Доверие печалит. Доверие действительно печально. Все одиноки. Поэтому чем сильнее ты доверяешь, тем сильнее поразит тебя предательство. Доверие рушится, сыпется, и оно не восстанавливается потом полностью.

— Но ведь одиноко быть одиноким.

— Это не отрицает того факта, что мы одиноки. Если у тебя не получается жить в одиночку, то тебе будет лучше умереть. Если ты говоришь, что люди сбиваются в группы из-за одиночества, то тогда человек тем более одинок, чем большему количеству людей он может довериться. Люди, остающиеся одинокими, печальны, несчастны, бедны, уродливы, жалки, изолированы, но при всём этом благородны.

Как та девушка, которую задушили.

— Запятнать это словом «одиночество» кощунственно.

— Тогда вы не одиноки, мастер? — спросила Химэ-тян. — Вы одиноки, потому что вы не одиноки?

— ...

— Химэ-тян всегда была одинокой.

Ох, да ладно.

Не смотри на меня такими глазами.

Невинными. Чистыми. Простыми. Обычными. Чувственными. Честными. Не сейчас, не на меня. Не на меня в таком состоянии.

Искупления ведь нет?

Я хочу убежать отсюда. Убежать. Убежать.

Отступить. Сбежать. Удрать наружу. Уйти на все четыре стороны.

Да, как в тот раз—

— Сколько ещё раз мне придётся делать это самостоятельно.

Огромная доза бессмыслицы дала мне жажду улыбнуться, в то время как она мне неведома.

Да... Должно быть, всё так.

Химэ-тян не похожа на неё.

Она напоминает её прежнюю. Поэтому меня и встряхнуло.

Вот почему я так сильно хотел уйти из кабинета Директора.

— Ах... бессмыслица.

Но. Думается мне, что я ещё в достаточной мере бл человек, чтобы не сойти с пути.

— Эм... Мастер?

— Забудь. Я хотел сказать, что тут ты меня подловила. Да, ты права, Химэ-тян. Сейчас не то время, когда я могу поступать эгоистично, вообще нет. Я виноват. Твоя взяла... А Айкава-сан по-прежнему в кабинете Директора?

— О, д-да! — Увидев, что я сдаюсь, лицо Химэ-тян в мгновение ока зажглось. Её улыбка источала искреннюю радость. Эта улыбка такая уязвимая, что собьёт с толку любого, кто её увидит. Чёрт, мой чувство вины уже давно как сломалось, а я думал, что избавился от него.

Но если у меня это вышло, то почему...

Почему я не мог это отпустить? Каким бы счастливым я был, если бы знал, как отвергать всё.

Если бы я смог просто покончить с собой, то так было бы лучше всего.

— О, но госпожа Дзюн могла разозлиться и уйти без нас...

— Да... это крайне вероятно.

— И что нам делать с ней? — Химэ-тян осторожно подошла к потерявшей сознание Тамамо.

— Хороший вопрос. Она была той ещё угрозой. О, я ведь ещё не поблагодарил тебя? Я смог найти окно только потому, что ты пришла за мной.

— Ноу поблэно, — сказала она, ощупывая форму Тамамо. Что она делала? Хочется верить, что это её извращенское хобби. — Ага. Вот она. Я так и знала, что она будет носить с собой рацию.

Она была похожа на телефон... но кнопок на ней было гораздо меньше. Оказалось, что это простая беспроводная рация для внутригруппового общения. Простая в применении, помещается в ладони... но что с того?

— Получается, Сайдзё могла перед тем, как отключиться, связаться с кем-нибудь... возможно, с Хагихарой.

— Дело дрянью...

Другими словами, это место больше не безопасно? Да и лестницы тогда больше не безопасны. Мы можем наткнуться прямо на них. Чёрт. Нам неплохо так прижали к стенке...

— Хм-м-м. — Химэ-тян, похоже, задмуалась. Затем она наконец-то открыла сумку, которую она носила на плече, и сказала: — Похоже, выбора у меня нет. Пришло время для крайних мер.

— Меня этот вопрос уже какое-то время терзает. Что внутри?

— Всякое. Они называют это «Швейцарским походным ножом старшей школы висельников». Но это не нож. И не швейцарский.

С небольшим размахом она достала из сумки несколько катушек. Они были слегка великоваты для вязания, но и не подходили для рыбалки. Вокруг них нить была намотана так сильно, как это было вообще возможно. Или... это всё же не нить?

— Что это?

— Рабочие нити. Ещё их также называют проводами. — Химэ-тян продолжила вытаскивать из сумки куташки. — Серебряные и титановые провода, химически обработанные для максимизации предела их прочности. Волокна тут разные: кевларовые, арамидовые, углепластиковые и другие.

Я слышал только о кевларовых. Я более чем уверен, что кевлар используют в бронежилетах. Провода это или как там их называют, они никому не ровня в прочности.

— Их используют везде. Например, при изучении космоса и производстве военного снаряжения. — Химэ-тян открыла окно в коридоре, затем открыла окно в кабинете напротив и начала наматывать нити. Пока они были на катушках, их ещё можно было разглядеть. В размотанном состоянии эти нити настолько тонкие, что их во мраке коридора можно было разглядеть, только если сильно прищуриться. Они были похожи на паутину, которую можно порвать одним лишь прикосновением.

Когда я пошёл проверять это, Химэ-тян остановила меня:

— Нет-нет-нет, касаться нельзя. Вам может отрезать палец, если вы будете неаккуратны.

Очевидно, что тут именно меня порезало бы.

— Хм-м-м... так это проволока для рояля? А их тут и вправду очень много разных... Так к чему всё это, Химэ-тян? Что ты делаешь?

— Я делаю верёвку. Рама окна не выдержит-с нас обоих, поэтому я делаю расчёты, чтобы правильно распределить наш вес.

— Постой. Ты говоришь... — Я замолк ненадолго. — Ты хочешь спуститься вниз?

— Вы сказали то же, что говорю я, да.

— Да ты шутишь.

— Это плё-вое де-ло! — протянув слова, подобно рокеру Химэ-тян выпячила грудь. — Мастер, пожалуйста, просто сдайтесь и признайте, что Химэ-тян вас надула!

— Это просто значит, что меня надули... — сказал я раз. — Это просто значит, что меня надули... — повторил я.

Я не мог не думать о—

Как же я хочу просто убежать отсюда.

<http://tl.rulate.ru/book/4792/4427297>